

бабами и дѣвками, и несмѣтное количество мужиковъ толпилось около тазовъ съ водкой. Столы тянулись въ нѣсколько рядовъ. Горы ситнаго хлѣба и калачей возвышались на нихъ.

Народъ велъ себя чинно. Пѣсенъ еще не было слышно. Разговоры происходили въ тихомолку. Къ вину подходили, точно обрядъ совершали—степенно и серьезно. Выпивали съ дѣловымъ выраженіемъ лицъ и, медлительно утираясь полою, разсаживались за столы. Иные многозначительно вздыхали. Бабамъ и дѣвкамъ водку подносили за столомъ. Тутъ много было упрасиваній и стыдливыхъ закрываній рукавомъ, но въ концѣ концовъ стаканчики все-таки опоражнивались до дна, и легкое возбужденіе сказывалось въ лицахъ.

Мокѣй, въ силу прежняго своего проживанія въ усадьбѣ, моментально опредѣлилъ себя въ подноскики, и немилосердно гремя новой рубахой, какъ-то невѣроятно растопыренной, важно расхаживалъ около столовъ, съ громадной бутылкой подъ мышкой. Отъ времени до времени онъ не забывалъ и себя. — «Гладико-сь, дѣвушки, шильникъ-то бахвалится!» — шептали бабы, указывая на Мокѣя, но когда онъ подходилъ къ нимъ съ завѣтной бутылкой, лица ихъ расплывались въ улыбки и рѣчи становились ласковы. — «Съ коихъ поръ въ цѣловальники-то опредѣлился?» — насмѣшливо спросилъ его Власть Каравый, медленно уплетавшій жареную баранину.

— Ай завидки взяли? — отвѣтилъ Мокѣй и молодцовато тряхнулъ волосами.

— Какъ не завидки: чай, подъ мышкой-то мозоли насмыгалъ.

— Мозоли не подати—за ночь слѣзуть.

— Ну, братъ, это что пара—подать безъ мозоля не ходить.

— На дураковъ.

— Извѣстно—умники въ неплательщикахъ состоятъ, — съ иронической кротостью произнесъ Власть.

— Да и умники!

— За умъ-то ихъ и парятъ по субботамъ.

— Парятъ, да продавать нечего.

— Не сладокъ и паръ.

— Горекъ да выгодець.

— Иная выгода—жгется, малый!

— То и барышъ, коли морда въ крови.

— А ты, видно, падокъ на барыши-то на эти?..

— Объ насъ, братъ, сказки сказаны: для насъ въ конторѣ углы непечаты.

— А много нацѣдилъ въ конторѣ-то?